

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ УСЛОВИЙ НАЦИСТСКИХ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ЛИЧНОСТИ ЗАКЛЮЧЕННОГО

Аннотация: На основе анализа воспоминаний бывших заключенных концлагеря, а также исследований специалистов в области психологии рассматривается процесс социально-психической адаптации узников лагеря. Особое внимание уделяется проблеме самоидентификации и самоопределения личности, возникающей в условиях экстремальных ситуаций и экстремальных условий жизни. Рассматривается проблема взаимосвязи между уровнем агрессии и самооценкой личности. Анализируются причины возникновения чувства вины и стыда у заключенных. Показано, что чувство вины является наиболее важной психологической характеристикой, связанной с самоопределением и адаптацией личности в экстремальных условиях. Данная работа базируется на двух основных источниках, авторами которых являются психологи, побывавшие в концентрационных лагерях, а именно Б. Беттельхейм, В. Франкл, Э. Коэн.
Ключевые слова: концентрационный лагерь, трансформация личности, условия концлагеря, фрустрация, адаптация, поведение заключенных.

Kuzminova A. V.,

Assistant of the Department of History of the Cossacks and Social Sciences and Humanities SKIPTB (branch) FSBEI HE «Moscow State University of Technology and Management. K.G. Razumovsky (PKU)»

TO THE QUESTION OF THE INFLUENCE OF THE CONDITIONS OF THE NAZI CONCENTRATION CAMPS ON THE PERSONALITY TRANSFORMATION OF THE PRISONER

Annotation: Based on the analysis of the memories of former prisoners of the concentration camp, as well as the research of specialists in the field of psychology, the process of social and mental adaptation of the prisoners of the camp is considered. Particular attention is paid to the problem of self-identification and self-determination of a person that arises in extreme situations

and extreme living conditions. The problem of the relationship between the level of aggression and self-esteem of the individual is considered. The causes of feelings of guilt and shame in prisoners are analyzed. It is shown that the feeling of guilt is the most important psychological characteristic associated with self-determination and adaptation of the individual in extreme conditions. This work is based on two main sources, the authors of which are psychologists who visited concentration camps, namely B. Bettelheim, V. Frankl, E. Cohen. **Key words:** concentration camp, personality transformation, concentration camp conditions, frustration, adaptation, prisoner behavior.

Концлагерь — специально оборудованный центр для массового принудительного задержания и содержания под стражей военнопленных, политических заключенных при определенных диктаторских и тоталитарных режимах, заложников (обычно в период гражданских войн или оккупации), лиц, лишенных свободы (обычно во внесудебном порядке). С 1933 по 1945 год в фашистской Германии и на территории оккупированных ею стран орудием массового государственного террора и геноцида были концлагеря.

Понимание концлагеря в качестве социальной структуры включает в себя анализ его происхождения, формирования и функционирования. Лагерь можно рассматривать как пример, в котором все недостатки, которые распространены менее заметно и рассеянно в других местах, но не менее серьезно, принимают зловещую и неумолимую форму. Этот аспект особенно заметен в том, что концлагерь выставляет на всеобщее обозрение все ложное, опасное, глупое и подлое, которое присутствует как в человеке, так и в человеческих организациях.

Концентрационный лагерь в этом смысле дает нам нечто большее, чем просто образец социальной деградации. Здесь мы можем наблюдать дьявольскую карикатуру на возможную систему правления, которая может быть реально существующей. Мы также видим все недостатки, связанные с существованием человека в псевдоколлективном омассовании, в кабале или в рабстве. Вместо того, чтобы распространять эти недостатки рассеянно, лагерь консолидирует их в виде яростной ксенофобии, насилия и смерти.

Б. Беттельхейм, бывший заключенный лагерей Дахау и Бухенвальда, так описывает условия жизни в лагере: «Заключенные проводили по семнадцать часов в день в жару, дождь и холод, все семь дней в неделю. Условия жизни, еда и одежда были такими, что держали заключенных на грани выживания. При полуголодном существовании им приходи-

лось заниматься тяжелой работой. Каждый момент их жизни строго регламентировался и контролировался. Ни минуты уединения, никаких встреч, адвокатов или священников. Медицинская помощь не была гарантирована, иногда заключенные ее получали, иногда нет. Заключенные не знали, почему они находятся в лагере и как долго» [4, с. 125].

Одним из основных методов управления людьми в таких лагерях было подавление личности узников. Экстремальный характер условий в концлагере объясняется рядом факторов. Одним из самых важных считается угроза жизни и здоровью заключенных, что вызывает психоэмоциональные перегрузки, связанные с переживанием агрессии и насилия, страданием и смертью других людей. Кроме того, закрытость группы узников и невозможность уединения дополнительно усиливают психологическое напряжение. Неопределенность будущего и отсутствие важной личностной информации также являются факторами, способствующими психофизиологическим стрессорам, таким как голод, усталость и боль. Адаптация заключенных в концлагере — это сложный процесс, который происходит в результате взаимодействия личности с окружающей средой. Он предполагает опосредование психических процессов между системой условий внешней среды и социумом. Важным аспектом адаптации являются личностные особенности заключенных, которые определяют взаимодействие между ними и экстремальными условиями концлагерей [6, с. 54].

Фактически в нашем исследовании речь пойдет о социально-психологической адаптации, которая включает рассмотрение процесса приспособления личности к окружающей среде на следующих уровнях: мотивационном, когнитивном, эмоциональном и поведенческом. Предполагается, что успешная адаптация зависит от мотивационной, познавательной и эмоционально-волевой сферы психики, которые являются внутренними механизмами адаптационного процесса. Эффективность этого процесса проявляется на поведенческом уровне и определяет его характер и содержание [2, с. 241].

Адаптационная активность личности также играет важную роль. Процесс адаптации заключенных можно разделить на несколько стадий: стадия оборонительных реакций, стадия протеста, стадия истощения и стадия стабилизации. Каждая стадия представляет собой определенный этап адаптации, который заключается в преодолении назначенных препятствий и приспособлении к новым условиям жизни в тюремной среде.

Адаптация заключенных — это сложный процесс, который требует от них адаптивных навыков и способностей, чтобы приспособиться к новой

среде и обществу. Он включает в себя не только адаптацию к физической среде тюрьмы, но и к социальным, психологическим и культурным аспектам жизни в заключении. Процесс адаптации может быть длительным и трудным, но его успешное завершение может помочь заключенным вернуться в общество и привести к снижению рецидива преступлений. Фаза реадaptации (возвращение человека, освобожденного из мест лишения свободы, в общество) также представляет научный интерес, но не является предметом настоящего исследования [2, с. 325].

Начальный период адаптации человека, попавшего в концлагерь, представляет собой острую психотравмирующую ситуацию, характеризующуюся шоковым состоянием, деперсонализацией и относительным «разобщением субъекта и объекта». На этом этапе «большинство заключенных быстро оказывались в состоянии полного истощения: физического — от издевательств, потери крови, жажды и т.д., психологического — от необходимости подавлять свой гнев и чувство безнадежности, чтобы не разразиться и поэтому не умереть здесь, в результате происходящее плохо фиксировалось в затуманенном сознании».

Одной из стратегий, характерных для поведения в травмирующей ситуации, является самоустранение (уход в себя) из-за субъективной невозможности воздействия на условия среды или изменения в соответствии с требованиями среды. Самый распространенный способ бегства от реальности — замена ее различными формами психологической защиты.

Общий механизм психологической защиты заключается в том, что для сохранения психической целостности внутренне изменяются условия внешней среды, т.е. реальность как серьезный психотравмирующий фактор подменяется субъективными системами смыслов и оценок. Главной функцией психологической защиты является создание установки, при которой устраняются противоречия между потребностью и препятствием к ее реализации, что «достигается за счет особых форм изменяющихся переживаний, в которых происходит подмена, иногда весьма причудливых объектов или мотивов с другими объектами или желаниями» [1, с. 53–76].

Воспоминания Э. Коэна, бывшего узника концлагеря Освенцим, наглядно демонстрируют психологическую реакцию на репрессии: «Я чувствовал себя так, как будто я ни при чем во всем этом, как будто все в целом меня не касается». Применяя стратегию отрицания заключенных, они отказываются принять неизбежные трагические последствия и насмехаются над выданной им лагерной одеждой, в качестве униформы, стараясь найти утешительные доводы: «Посмотрите на полные щеки

и красные лица этих заключенных!», «Это не может быть настолько ужасно!» [6, с. 76–89].

Подавление и отрицание препятствует адекватному восприятию и осознанию значимости психотравмирующих средовых раздражителей, структурированию и критическому анализу ситуации, блокирует процесс усвоения нового опыта, создает неадекватные прогнозы, нереалистичные цели. Таким образом, защитные механизмы, проявляемые заключенными на этом этапе, не позволяют решить проблему, но в той или иной степени ослабляют тревогу в связи с угрожающими событиями.

В. Франкл, находившийся в заточении в Освенциме с 1942 по 1945 год, так описывает субъективные переживания разрушения блоков психологической защиты: «Никто не может на самом деле поверить в то, что человек действительно потеряет буквально все. Тогда я решил обратиться к одному из бывших заключенных, чтобы довериться ему. Я подошел к нему, указал на сверток бумаги, который находился в кармане моего пальто, и сказал: «Вот моя рукопись научной книги. Я понимаю, что вы думаете — спасти свою жизнь, выжить, остаться с голым ничем — это все, о чем можно просить у судьбы. Но я не могу остановиться на этом, мне нужно больше. Я хочу спасти эту рукопись, спасти как-нибудь. В ней дело всей моей жизни, понимаете?»... У него на всем лице улыбка, сначала довольно сочувственная, потом более веселая, ироничная, насмешливая, и, наконец, он рычит на меня с этой гримасой, он ответил на мой вопрос одним словом, которое с тех пор, должно быть, постоянно звучало как ключевое в лексиконе лагерных заключенных. Он хмыкает: «Черт!» Теперь я знаю, как обстоят дела. Я провожу черту за всей своей прежней жизнью!» [7, с. 153].

Второй этап адаптации характеризуется изменением поведения выживших заключенных в сторону проявлений активности: они пытаются воздействовать на условия окружающей среды обычными способами, заимствованными из «прошлой жизни».

Психическое состояние осужденных характеризуется значительной неусидчивостью, раздражительностью и агрессивностью. Этому способствует недосыпание с сильным утомлением и недоеданием, невозможность уединения, чувство потери самоуважения на фоне социального статуса «старой жизни», а также сравнение с «элитой» лагеря, в которую входят старейшины, повара, кладовщики, «лагерные полицаи» из числа заключенных.

В условиях концлагеря заключенные сталкиваются с ограниченными возможностями для реализации стратегии преобразования своей среды.

Они вынуждены справляться со своей агрессией и одним из самых безопасных способов является направление ее на себя. Это приводит к формированию мазохистских, пассивно-зависимых, детских стереотипов поведения, которые якобы защищают заключенных от конфликтов с эсэсовцами. Одним из проявлений этой стратегии является обесценивание всего окружения, включая собственную личность, и в крайнем случае — суицид. Угроза смерти, восприятие смерти других заключенных и осознание безвыходной ситуации способствуют формированию суицидальных намерений. Один из доступных, «бытовых» вариантов самоубийства — прикоснуться к колючей проволоке, находящейся под высоким напряжением (по лагерному жаргону — «идти к проволоке») [3, с. 101].

По исследованиям В. Франкла, Э. Коэна, почти у всех были суицидальные намерения, которые так и остались нереализованными; самоубийств и незавершенных суицидальных попыток было относительно мало. В концентрационном лагере Терезиенштадт с 24 февраля 1941 года по 31 августа 1944 года из 32647 погибших число самоубийств составило 2597.

Еще одной формой реализации стратегии преобразования среды, доступной заключенным, является проявление агрессии по отношению к окружающей среде. Круг общения в лагере очень ограничен, поэтому агрессия, направленная на кого-то из соседей, выливалась в ответную агрессию, которую нужно было как-то разрядить. Подобные выражения сопровождалось чувством вины, ведь все понимали, что остальные заключенные страдают не меньше. Накопленная враждебность, характерная для заключенных, может быть подавлена, сублимирована или трансформирована, но это требует эмоциональной энергии и решительных усилий. В условиях тюремного заключения, доступные способы проявления агрессии крайне ограничены, однако некоторые заключенные находят единственно возможный способ — агрессивное поведение по отношению к представителям меньшинств, причем такое поведение не всегда вопиюще активно. Изначальную враждебность заключенным помогали оправдать пленные немцы, которые апеллировали к расистским взглядам. Заключенные-евреи были первыми, к кому проявлялась агрессия, однако со временем она распространилась на все национальности и группы. К необходимости в проявлении агрессии приводила прежде всего неудовлетворенность заключенных своим положением, однако возможность контрагрессии у них отсутствовала. Например, В. Франкл приводит такой лагерный анекдот: «Двое заключенных говорят между собой о третьем, принадлежащем к “успешной” группе, и один из них замечает: “Я знал его, когда он был только пре-

зидентом самого большого банка, но теперь он стремится на место начальника!» [7, с. 23–65].

Факты агрессии против СС были относительно редки (В. Франкл, Б. Беттельгейм). Один из заключенных, входящих в состав зондеркоманды Освенцима, отмечает: «Жара у печки была невероятная. Жара, потоки пота, убийство стольких людей, выстрелы... они даже не давали мне полностью осознать, что происходит. Моля уже застрелил первого из нас, греков, потому что не понял, что приказал. Другой, кто никак не хотел участвовать, бросился в печь. В ту ночь мы все решили умереть, чтобы покончить с этим. Но возобладала мысль, что мы можем организовать нападение, побег и месть». Известна двенадцатая зондеркоманда, в ходе которой было убито 70 эсэсовцев, полностью выведен из строя один крематорий, а остальные повреждены. Все 853 члена экипажа погибли [8, с. 32–54].

По мнению Б. Беттельгейма, заключенные приписывали эсэсовцам «нечеловеческие» черты, наделяли их низким уровнем интеллекта и нравственности, но признавали их всемогущими противниками; таким образом, применяя защитный механизм рационализации, они могли простить себя за неспособность сопротивляться насилию, не теряя самоуважения.

Активные реакции человека на насилие, не приносящие результата, заканчиваются разной степенью нервного истощения. По мере увеличения срока пребывания в лагере газовая камера перестает пугать узников и начинает рассматриваться как «путь самоубийства», а напряжение сменяется индифферентным поведением.

Состояние апатии вследствие преобладания тормозного процесса в ЦНС значительно снижает функционирование потребностно-мотивационных процессов и интенсивность эмоциональных проявлений.

Как отмечает Э. Коэн, люди, находившиеся в концлагере, были унижены до уровня животных с примитивным инстинктом выживания: «как мне получить больше еды и найти относительно приемлемую работу». Согласно основным принципам психоанализа, большинство заключенных реагирует на условия среды регрессией — возвращением к онтогенетически более ранним, примитивным формам поведения. Таким образом, если люди с разными чертами характера длительное время голодают, то при нарастающем расстройстве пищевых потребностей все индивидуальные различия будут утрачены и их место займут однообразные проявления стремления к удовлетворению основной потребности [1, 6].

Потребность в питании является доминирующей для большинства: «когда осужденные, привлеченные к работе, стояли рядом и поблизости

не было охраны, они обменивались кулинарными рецептами и рисовали друг другу, какими любимыми блюдами они будут баловаться в один прекрасный день после освобождения».

Максимальное удовлетворение реальных потребностей является важным фактором успешной адаптации, так как «нарушения адаптации могут возникнуть, если затруднена реализация важных потребностей и стереотипы их удовлетворения неэффективны». Наряду с фрустрацией физиологических потребностей Б. Беттельгейм относит к факторам, создающим условия психологического истощения и разрушение личности.

Непредсказуемость ситуации обеспечивалась часто меняющимися лагерными правилами, что лишало заключенных возможности предсказывать ближайшее будущее. Достижение эго-мотивации сопровождается чувством фрустрации, так как все действия, включая физиологические функции, осуществляются только с разрешения и под контролем. «Выпуск заключенных проводился только по строгим правилам лагеря, что становилось важным событием дня... В Бухенвальде было запрещено пользоваться туалетом в течение рабочего дня. Даже когда для заключенного делалось исключение, он должен был спрашивать разрешения у надзирателя, а затем отчитываться перед ним таким образом, который подрывал его самоуважение» [3, 6].

Осознание эго-мотивации является важной детерминантой адаптационного процесса, условием сохранения воли к жизни: «Даже малая символическая возможность действовать или не действовать, но по своей воле (и это в равной степени относится к духу и телу), позволили мне и таким, как я, выжить».

Работа, выполняемая заключенными, кроме своей непосредственной функции для СС, имела и немаловажное психологическое значение — уничтожение способности сознательно действовать и ставить цели: «заключенных, особенно начинающих, заставляли заниматься абсолютно бессмысленными работами, например, перетаскивание камней с одного места на другое и обратно. Или копать ямы голыми руками, когда рядом были лопаты. Взрослый чувствует себя униженным, когда его заставляют выполнять “детскую” или глупую работу, а заключенные предпочитали еще более сложные задания, если конечный результат был похож на результат».

В. Франкл отмечает, что те, кто потерял смысл существования в лагере, не смогли обрести веру в будущее, потеряли свой духовный стержень, деградировали, «сломались» физически и психически. Часто это происходило в виде своеобразного кризиса: люди могли сутками лежать

на своем месте в казарме в собственных экскрементах, отказывались идти в строй для доставки на работу, не получали питание. Никакие угрозы не могли вывести их из глубокой апатии, они тупо и равнодушно переносили наказания [8, с. 42–69].

В. Франкл, Э. Коэн считают, что фрустрация по-разному влияет на заключенных: «Не может быть сомнения, что в концлагере человек неизбежно и насильственно подчиняется давлению окружающих условий, формирующих его характер. Благодаря тому, что я назвал “упорством духа”, он сохраняет и основную способность защищаться от влияния этой среды». Благодаря мотивационным, моральным и волевым качествам у некоторых заключенных происходил не регресс в экстремальных условиях концлагеря, а эволюция, личностное развитие.

На основании исследований проблемы изменения психики заключенных, проведенных Э. Коэном, Б. Беттельгеймом и В. Франклом, можно выделить ряд признаков завершающего этапа адаптации — это стадии стабилизации. Типичными клиническими кумулятивными проявлениями для заключенных являются апатия, снижение либидо, частичная потеря памяти, замедление реакций, неспособность к концентрации внимания, затруднение запоминания информации, нарушение логики, быстроты, критического мышления, нарушение восприятия ситуации и собственных действий, патология воли, повышенная чувствительность к шуму, свету и запаху, зрительные и слуховые галлюцинации. В ряде случаев регистрируются морфологические изменения головного мозга, проявляющиеся поведенчески в виде бреда, полной дезориентации и инертности. Были депрессивные реакции, психозы, фобии, но они не были характерны для заключенных [2, 4].

Неопределенность времени пребывания в лагере является тяжелейшим психотравмирующим фактором для людей и вызывает ощущение безграничности, бесконечности тюрьмы. Лагерная жизнь оставляет неизгладимый след на психическом здоровье. Заключенные перестают отличать реальность от фантазии и кажется, что светлого будущего уже не существует. Они теряют всякую надежду, что приводит к увеличению смертности в лагере. В. Франкл отметил, что преступники, которые знают свое время отъезда из лагеря, несколько счастливее заключенных, которые не знают свою будущую дату освобождения. Мотивационное состояние может стимулировать человека на определенные действия в зависимости от своих потребностей и желаний, которые должны быть удовлетворены в конкретной ситуации. Это явление может оказывать влияние на поведение и решения человека в различных ситуациях [1, 2].

Ориентация на будущее формирует внутреннюю основу, помогающую человеку осуществлять целенаправленную деятельность и добровольческие усилия. «В этой духовной среде человек свободен! После того, как человека посадили в лагерь, у него могли отобрать все, даже очки и ремень, но эта свобода у него все равно была и она оставалась с ним буквально до последнего момента, до последнего вздоха. Это была свобода настраиваться так или иначе, и это «так или иначе» существовало, и все время находились те, кто мог подавить свое волнение и преодолеть свою апатию».

Ценностные ориентации, создающие субъектный смысл существования человека в лагерных условиях, являются основой адаптационного процесса, в значительной мере помогают ему не только выжить, но и сохранить свою личность. Б. Беттельгейм, анализируя механизм возникновения адаптивной стратегии, способствующей трансформации себя, вспоминает: «Я утратил те интересы, на которых раньше строилась моя самооценка. А это, в свою очередь, помогло мне выжить в лагере. Мои исследования помогли мне выдержать бесконечные часы изнурительной работы, не требующей умственной концентрации. Ко мне постепенно возвращалось самоуважение, и это обстоятельство само по себе приобретало со временем все большее значение» [4, с. 177].

Подобная мотивация характерна и для В. Франкла: «Положение мое казалось безрадостным и безнадежным. Затем я представил, что стою за кафедрой в большом, красивом, теплом и светлом конференц-зале, собираясь прочесть перед заинтересованной аудиторией лекцию под названием “Психотерапия в концентрационном лагере” и рассказать в точности то, что я только что испытал. Используя эту технику, мне как-то удалось подняться над ситуацией».

Приведенные примеры свидетельствуют о возможности осуществления наиболее эффективной адаптационной стратегии, которая заключается в активном приспособлении человека к окружающей среде, используя личностные ресурсы. В этом случае подчеркивается не столько личная ценность в сравнении или в противоположность к окружающей среде, сколько необходимость и ценность изменения себя.

Потребности, мотивы, ценностные ориентации, идеалы, личностные установки создают основу процесса целеполагания (мотивационный уровень адаптации), который проявляется на когнитивно-эмоциональном уровне, обеспечивая функционирование познавательных и эмоционально-волевых процессов (внимание, память, воображение, мышление, принятие решений, саморегуляция). Мотивация интерпретирует

требования среды, порождает процесс выбора цели и формирования намерения, обеспечивает согласование всех компонентов в направлении достижения цели, формирует эффективную стратегию поведения.

Таким образом, если принять во внимание процесс социально-психологической адаптации узников концлагерей с точки зрения его эффективности, то можно сделать вывод о том, что чем выше уровень личностного развития, тем больше среда, на которую человек реально ориентируется в своей жизни, его поведение выходит за рамки его непосредственного окружения. При этом границы среды субъективно расширяются не только территориально, но и во времени, и в содержательном плане. Последовательность, упорядоченность, слаженность кадрового состава являются основными факторами, определяющими эффективность адаптационного процесса.

Литература

1. Басин В.Ф., Бурлакова М.К., Волков В.Н. Проблема психологической защиты // Психологический журнал. 1988. № 3. С. 258.
2. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. — Л., 1988. С. 471.
3. Беттельгейм Б. Индивидуальное и массовое поведение в крайних ситуациях // Дружба народов. 1992. № 11/12. С. 101–116.
4. Беттельгейм Б. Люди в концлагере. Просвещенное сердце // Психология господства и подчинения: хрестоматия / сост. А.Г. Чернявская. — Мн., 1998. — С. 288.
5. Маслоу А. Мотивация и личность. — СПб.: Питер, 2011. — 352 с.
6. Полян П. Чернорабочие смерти // Звезда. 2018. № 9. С. 365.
7. Франкл В. Сказать жизни: «Да!»: Психолог в концлагере. — М.: Альпина нон-фикшн, 2019. — 239 с.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла: сб. — М., 1990. — С. 295.